

Н. ЧЕСНОКОВ

часть 2

УЛИЦЫ ВЕДУТ В ИСТОРИЮ

**г. Уральск
1990 г.**

Н. Чесноков

УЛИЦЫ ВЕДУТ В ИСТОРИЮ

Подготовлено к печати фирмой «Альтернатива»

**Часть средств от реализации этой книги будет
перечислена в Уральское казачье
историко-культурное общество.**

**Спонсоры издания: заводы «Металлист», имени
К.Е.Ворошилова, «Коммунапарт»**

**Уральское областное отделение Советского фонда
культуры.**

ПРИЯИЦКИЕ ОРЛЫ ОРЛОВИЧИ

СЛОВО О КАЗАЧЕСТВЕ,

**сказанное 24 февраля 1990 года на учредительном
собрании Уральского казачьего
историко-культурного общества.**

ПРИЯЦКИЕ ОРЛЫ ОРЛОВИЧИ

Уважение к минувшему — вот черта,
отличающая образованность от дикости.
А. С. ПУШКИН.

Юди встают на защиту всего того, чему что-то угрожает. Они борются за мир, спасают реки, озера, животных. Отстаивают в целом окружающую среду. Все чаще раздаются голоса в отношении памятников старины. И давно назрела настоятельная необходимость привлечь внимание общественности и встать на защиту истории и культуры этнической группы, именно истории и культуры, находящихся на опасной грани забвения и исчезновения.

Нет, это не преувеличение. Кое-что уже безвозвратно утеряно. Например, четырехвековой уральский архив, где были, теперь уже для нас и будущего — неизвестные страницы нашего Отечества: древнерусские летописи, хроники и документы XV и последующих веков, а, возможно, и предшествующих, хранившиеся до того в старообрядческих скитах, старинные книги, картины, рукописи и другие материалы, связанные с именами С. Т. Разина, Е. И. Пугачева, А. В. Суворова, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Т. Г. Шевченко, И. Тайманова, М. Утемисова, Курмангазы, В. Г. Короленко и многих других выдающихся деятелей нашей истории и культуры, с жизнью русского и казахского народов.

Но речь пойдет не об архиве, его уж никогда не вернуть — он был просто-напросто сожжен. Кое-кто полагал, что, сжигая архив, уничтожает историю — документальную память народа. А человек без памяти... впрочем, уже и не человек. Однако, оказалось куда проще уничтожить настоящее, чем прошлое. Какая-никакая, а память сохранилась. Архив — всего лишь одна из грустных страниц нашей новейшей истории. А сказ наш о другом — о том, что не удалось выжечь и разгромить, что сохранила память и, что стало горькой действительностью десятилетий. До недавнего времени эта тема, если и не была запретной, то уж, во всяком случае, — нежелательной и, более того, если уж необходимой, требующей хотя бы одного, но черного мазка. А мы сегодня пытаемся обойтись без него и разглядеть то, что долгие годы скрывалось под зачеркивающими черными мазками и замазанной картиной прошлого.

I.

Известно, что любовь к Родине начинается с родного края, как любая река — с родничка, с того родничка, что станет потом красавицей Волгой, ненаглядным Уралом или другой рекой наших всепоглощающих чувств, что в половодье народного гнева не покорить никакому врагу. Так когда-то захлебнулся Наполеон, недавно — фашизм и погибнет любой враг в пучине нашей любви, страшной водоворотами несокрушимой ненависти. И в этом не раз убеждались и другие недруги, пытаясь измерить полноту наших чувств к матери-Родине. Через всю жизнь мы несем эту неизбежную любовь к родному краю — частичке великой страны.

А как не любить, скажем, уральцу, тот край, где он живет, с его легендарным и чуть ли не сказочным прошлым, с его добром и злом, с его народно-освободительными и революционными взлетами, кровью вписанными в историю нашего Отечества, высеченными на скрижалях памятных досок, воспетых в грустных и жизнеутверждающих песнях, хранящихся в сказаниях и преданиях. Как не любить, когда все это он всосал в себя с молоком матери вместе с песнями колыбели его, вобрал в себя с благоуханным духом степных трав под звездной синью летних вечеров, слушая на завалинках притихшей улицы сказания дедов.

А как не вспомнить и, при случае, не рассказать о нелегком житье-бытье мужественных предков — простых русских людей — подневольных холопов, бежавших от лихости бояр и воевод далеко за пределы Московского государства — на «запольный» Яик, и ставших именовать себя яицкими казаками. И о том, как, не щадя живота своего, бились они с татаро-монголами за то, чтобы просто быть и выжить в безлюдных просторах суровой стихии.

Тяжел был путь на Яик. Но сюда и не шли слабые, а слетались, множась, люди смелые, не какие-нибудь замухрышки, ярыги подзаборные, а все Селяниновичи да Муромцы. Да и то ведь: в орлиное гнездо кукушка яиц не откладывает. В нем родятся орлы — птицы вольные. А им парить над землей, не зная преград и границ, бороздя поднебесье. Потому-то, должно быть, и звали в народе казаков приицкими орлами да Орлами Орловичами.

А как не сказать и про то, что гнездо-то все наполнилось, а когда поднабрались людишки да поокрепли, собрались казаки однажды в круг, что у церкви Митрополита Алексия, думу думать. И не день и не два они думали, помолвившись и поклонившись в сторону Москвы, дружно порешили: жить без родины — что без радости, а без радости — что сиротянушкой. А урядив, посылают они атаманов-молодцев

в Москву — стольный град бить челом землей вольною заволжскою и рекою Яикушкой, что от гордо моря Каспия, прося государя забыть прежние вины и принять их под свою руку державную и вернуть в любезное лоно отцовское.

Рад-радеконек государь новым подданным, хоть бояре зело хмурятся: все-то здесь их Ивашки с Микитками, да молчат, не протянутся. Обласкал государь новых подданных, а в благодарность за присоединение обширного края и за верную службу по охране границ наградил их щедро, повелев питать свинцом-порохом да провиантом и выдал им на вечные времена «Владельную грамоту» на право пользования рекою Яиком с вершин и до устья, с впадающими в нее реками и протоками, с рыбными и звериными ловлями, солью беспошлинно да повелед набираться вольными людьми.

Так перестала быть заповьем земля Заволжская, а границы государства Московского потекли-потянулись по Яикушке-свет Горынычу. И возвели здесь, на дальних рубежах, казаки из своих костей непроходимый бастион-город-щит, оберегая матушку-Русь от опустошительных татаро-монгольских набегов, потом и ногайских орд, дав ей возможность, не боясь за тылы, укреплять свое могущество и государственность.

Выйдешь на бережок, будто не волны шумят, а возгудают Орлы прищипки:

*Круты бережки, низки долушки
У нашего пресловутого Яикушки,
Костью белыми казачьими усеяны,
Кровью алою молодецкою упитаны,
Горючими слезами матерей и жен поливаны.
Где кость лежит — там шихат стоит;
Где кровь лилась — там вязель сплелась;
Где слеза пала — озерцо стало.*

Да, много по степи и в самом Уральске холмов над казачьими костями, даже на центральных улицах они до недавнего возвышались. Уже не вязель, а высокие деревья сплелись своими кронами над улицами, где когда-то лилась казачья кровь. И теперь еще по весне и осени, увидев на улицах озерца, кажется, что они наполнены теми самыми слезами матерей и жен казаков.

Не грешно хвастнуть и правдой-маткою. И как не сказать, как промолчать о том, что отсюда, из яицкой вольницы, начал свой беспримерный сибирский поход легендарный Ермак Тимофеевич, что ждет еще, когда имя его и Орлов Прияицких, бесстрашно взмывших в просторы Симбирские, увековечат уральцы.

Неспокойными были новоподданные Россияшки, непослушными, непокорными, не боялись слова молвить неугодного ни боярину, ни царю. И Петру Великому перечили: «Неможно сего принять, понеже войско яицкое из вольных людей». А в другой раз и резче говаривали: «Хоша и царский указ, да и тот не для нас». И начиналась лиха хурта-заварушка.

И как тут не упомянуть о том, что отсюда, из войска яицкого, черпал неукротимую волю народную Стенька Разин, чьих последователей — уральцев вплоть до Октябрьской революции прозывали «Разиной породой». Здесь начиналась и отсюда разлилась по России неугасимым пламенем крестьянская война под предводительством сказочного Емельяна Пугачева.

Сманивали казаков на житье в свободные земли Турецкие и в иные неведомые страны. Но что за жизнь без Отечества. Яицкие казаки «слишком привязаны были к своим богатым родным берегам», — заметил А.С.Пушкин. И не просто привязаны, а беззаветно преданны и верны. Да и как было оставить эту вольную отчую сторонушку, если ты могучими корнями захороненных предков врос в нее и сам стоишь, будто дуб могучий с ветвями раскидистыми, звенящими жугомонными ребячьими голосами, наследников твоих.

В боевых походах, на коше плавни или багренья, на сенокосном стану славили песнями казаченьки свою благодатную сторонушку «На краю Руси обширной», что раскинулась «вдоль Урала берегов» седой степушкой ковыльной, лесами да лугами поемными. Славили батюшку Урал-быстротечный, сурово пестовавший в бударке востропосой удаль буйную, силушку недюжинную.

Возлюбив свой край родной до самопожертвования, уральцы нередко расплачивались за эту неизбывную любовь «кровью алою молодецкую», отставвая его.

II.

Возникновение Яицкого (Уральского) казачества относится к XVI веку. В восьмидесятых годах по Яику было уже несколько казачьих городков или острогов. В первое время казаки даже сами вызывались на службу. А в 1591 году они получили официальный вызов в поход. И этот год стал исходным для отсчета службы яицких казаков Российскому государству, началом Яицкого казачьего войска. В 1991 году ему исполняется 400 лет.

В честь трехсотлетия службы в Уральске были возведены велико-

лепные Храм Христа Спасителя и красочная арка, в народе называвшаяся «Красными воротами» — шедевры архитектуры.

Хитры были казаки. Они поставили арку на том месте, где до того печально высились кресты, огороженные штaketником — напоминавшие о трагедии «Кочкина пира» — расправы над казаками, учиненной князем Волконским в начале прошлого века. И заметьте, почти сто лет простояли эти кресты в ограде, перегораживая главную магистраль города, напоминая о неповиновении казаков царским приказам. И никто — ни атаманы, часто менявшиеся, ни губернаторы, ни наследники престола, бывавшие в городе, не возмущались и не предлагали убрать молчаливый памятник непокорности властям и царям. И только в честь трехсотлетия казачьего войска на месте крестов ставится арка. Но... то была не просто триумфальная арка в честь славных побед воинов российских-казачьих, а еще — и памятник жертвам трехсотлетней борьбы казаков за былую вольность. Четыре шестигранных купола ее — увенчали кресты-памятники, как бы вознесшиеся с земли в небо, увековечивая подвиг тех, кто в это трехсотлетие отстаивал казачьи вольности и погиб за свободу.

После гражданской войны арка была снесена. Если уж рассказывать, «истребляя их поголовно» по директиве Свердлова, то так, чтобы и памяти о них не осталось. Однако, чудом уцелел золотоглавый храм. Поднявшийся на холме — братской могиле павших в боях казаков, он устремлен к небу и в вышине золотыми куполами, увенчанными массивными фигурными крестами, сливается с солнцем, образуя венец святости и славы.

Храм Христа Спасителя — не просто святилище, а это еще и символ. Холм, на котором вознесся Храм, обрывается отвесной стеной, напоминающей крепостной вал — укрепление. По окружности стены — гранитные бастионы. На них были установлены старинные пушки. Таким был и Яицкий городок — поднявшийся островок христианства в Прияицких степях, с земляным валом и бастионами, на которых так же стояли пушки.

Торжественно-величественный храм, своей расцветкой символизируя традиционный цвет уральского войска — малиновый, молчаливо напоминает о павших в боях, о доблести и славе казаков в промежутке двух дат, что сохранились на передних бастионах перед Храмом — «1591» — начало регулярной службы яицких казаков в составе российского войска и «1891» — дата празднования уральскими казаками трехсотлетия войска.

И вот четырехсотлетие. Войска давно нет. Но в российских архивах хранятся приказы, боевые реляции, наградные с именами казаков, участвовавшие в походах и боях.

Во все лихолетия за годы своего существования, даже в самые трудные времена внутренних противоречий и ссор с правительством, яицко-уральские казаки считали священным долгом борьбу с внешними врагами государства. Судя по преданиям, начиная с Куликовой битвы, казачество вносило посильную лепту в оборону дальних и ближних рубежей Российского государства, множа честь своего оружия и ратную славу Отечества. Значения его в отстаивании и укреплении державы нельзя переоценить. И российский народ, натерпевшийся лиха за годы татаро-монгольского ига, с благодарностью вспоминал казака — защитника Родины. Вспомним и мы хотя бы некоторые из боевых походов яицко-уральских казаков, принесших им всеобщее признание как искусных, отважных, мужественных воинов и верных товарищей.

1629 год — война с Крымским ханством, вассалом Турции.

1632-1634 — защита Смоленска, война с Польшей.

1681 и последующие годы XVIII века казаки ежегодно призывались и воевали в Польше, под Ригой, в Крыму.

1695-1696 — участие в Азовском походе против Турции. Получили десять боевых знамен. Одно из них хранится в Уральском музее.

1701-1706 — 500-600 казаков под Нарвой. А один полк с 1704 года во главе с атаманом Матвеем Рекуновым бессменно стоял в Нарве (ныне Эстонская ССР).

1704-1706 — 2100 казаков участвуют в войне со Швецией.

1717 — в хивинской экспедиции князя Бековича-Черкасского 1500 казаков. Все погибли.

1724 — 700 казаков на реке Утве и за Утвою разгромили ногайцев и каракалпаков (картина в Уральском музее).

1799-1800 — под командованием Бородина (портрет — в музее) в Италии и Швейцарии в армии А.В.Суворова (известная цветная гравюра).

1812-1815 — шесть полков участвуют в Отечественной войне и заграничном походе.

Русский орел не раз прятал под свои могучие, размахистые крылья другие народы, сохраняя независимость и саму жизнь их. В его полете всегда присутствовала казачья, в том числе и уральская удаля, а в оперении видны были знамена уральских казачьих полков. А это вызывало уважение к казачеству.

Мы уже упомянули о первой службе яицких казаков в 1591 году, когда они выступили в составе русских войск по просьбе кахетинского князя Александра, просившего оградить от грабительских набегов шамхала Тарковского грузинские земли.

В тяжелые годы для соседей уральские казаки всегда были готовы

помочь им в беде. Да и не удивительно: не было в России более интернационального войска. В казаках тут числились русские и татары, калмыки и башкиры, казахи и чувашы. Были даже немцы и шведы. Проживали туркмены и персы, евреи и поляки... Веротерпимость поражала приезжающих в город. Торжественный колокольный перезвон церковей перемежался призывным распевом муэдзинов с минаретов мечетей. Мирно беседуя, люди расходились молиться своим богам кто в церкви, кто в молитвенный дом, кто в мечеть...

Настолько распространенными в войске были межвациональные браки, что министерство внутренних дел в 1820 году строгим циркуляром запретило бракосочетание христиан с мусульманами. Но какой циркуляр может запретить любовь — капризный вольный ветер раздольной степи, и удержать от товарищеской взаимопомощи соседей, а то и родичей.

В 1853-1856 годах два полка уральских казаков участвуют в Крымской войне. И в том же 1853 году выступают с русскими войсками против Кокандского хайства, берут Ак-мечеть (ныне Кзыл-Орда). Но еще до этого уральские казаки для защиты казахов от кокандцев и других завоевателей основывают укрепления: в 1845 году — Эмбенское и Уральское (теперь — Иргиз), в 1846 — Новопетровское (теперь — Форт-Шевченко на Мангышлаке), а позже в 1869 — Уильское и в 1878 — Темирское и держат в них свои гарнизоны за свой счет.

✓Разбойничьи набеги кокандцев продолжались и в начале шестидесятых годов. Они грабили земли южного Казахстана, физически истребляли казахов. Русская армия встала на защиту дружественного народа.

До сих пор уральцы славят песнями беспримерный подвиг своих предков, совершенный 4-6 декабря 1864 года сотней казаков, выполнявших, как сказали бы теперь, интернациональный долг по защите казахского народа.

Под командованием есаула В.Р.Серова сотня была направлена в разведку и столкнулась с двенадцатитысячной армией кокандцев под селением Икан, что вблизи города Туркестана. У казаков была возможность не вступать в бой с превосходящим более чем в 100 раз противником. И никто бы их за это не осудил и не упрекнул. Но тогда бы подвергся внезапному нападению Туркестан. И это бы стоило многой крови. Мог ли казак допустить подобное! Долг перед товарищами, казачья честь и сострадание к обиженному народу были для казака дороже собственной жизни. И казаки приняли вызов. И совершил чудо-подвиг. Окруженные, трое суток без сна и отдыха, они

дрались с постоянно наседавшим зрагом. Каким надо было обладать мужеством, силой и волей, патриотизмом и преданностью, чтобы не сломиться, не пасть духом, не подумать не только о сдаче в плен, но и об отступлении. И казаки выстояли, парализовали кокандскую армию, расстроив ее планы — внезапно овладеть Туркестаном. Более половины казаков погибло. Остальные, тяжело раненные, вырвались из окружения. Все они были отмечены знаками воинской доблести.

Невольно задумываешься: неужели этот подвиг не заслуживает восхищения и признательности, как один из кровных символов прошлой, настоящей и будущей дружбы народов? Но он забыт. О нем нет даже и строки в истории Казахстана. О нем не вспоминают на родине героев. Разрушен и памятник, некогда возведенный на месте боя. Непонятно.

III.

Историк С.М.Соловьев заметил: «казак-богатырь есть герой народной исторической песни в протяжении восьми веков».

А вы, читая русские былины и исторические песни, не задумывались, почему в них герой-богатырь часто казак?

Пожалуй, лучший ответ на поставленный вопрос дает великий мыслитель и исследователь народной жизни Л.Н.Толстой. В раздумьях о судьбах родины и народа, вскоре после посещения Уральска, он так излагает долго мучавшую его мысль: «Вся история России сделана казаками. Недаром нас зовут европейцы казаками. Народ казаками желает быть». Мало того, Толстой считал, что «Будущность России — казачество: свобода, равенство и обязательная военная служба каждого».

Может быть, слишком категорично и преувеличенно, однако подумаем, чем вызвано народное восхищение и толстовское определение роли казачества в прошлом и будущем России.

Слово «казак» со времен Рязанского, Малороссийского и Волжского казачеств с середины XV века в России звучало гордо. Казак для народа стал синонимом свободного, независимого человека. Не случайно в обиход русского народа вошло словосочетание, определяющее всякого самостоятельного человека — «вольный казак».

С момента возникновения, казачество было прогрессивным явлением русской действительности. Беглые крестьяне, посадские люди селились на окраинах Российского государства — на необитаемых,

свободных землях, осваивали их, оставаясь неотъемлемой частью русского народа.

В мире не было государств и народов, которые бы имели подобные военно-гражданские сообщества, как казачество в России. Даже в самые мрачные годы крепостничества и произвола в стране, форпостами свободы на ее окраинах, притом такой свободы, какой не знало в то время ни одно государство Европы или Азии, — были казачьи регионы, куда постоянно просачивались из внутренних районов государства угнетенные, но смелые и вольнолюбивые люди.

Вырвавшись на свободу из-под произвола бояр и помещиков, скрываясь от преследования, они более всего ненавидели угнетателей и всяческое притеснение, объединялись на основе свободы личности, равенства, братства и взаимопомощи. Вольнолюбивые начала диктовали и устройство общественной жизни, в первое время независимой от бояр, помещиков и государственной власти. И, естественно, это выработало определенную структуру местной власти, целиком и полностью подчиненной и зависимой от большинства, которое было первоначально социально устойчиво однородным. Все общественные дела решались под звон вечеревого колокола в вольном кругу.

Вече (от старославянского слова «вет», что значило «совет»,) — народное собрание или как оно позже называлось у казаков — войсковой круг. Вечевой строй в Новгородской феодальной республике был уничтожен в 1478 году, во Пскове — в 1510 году и тут же был подхвачен на Яике, принесенный сюда новгородцами и псковичами. Яицкие казаки как бы подхватили эстафету республиканского правления. И здесь, в Яицком городке, в кровавых схватках с царизмом дольше всех на русской земле продержалось вольное древнерусское вече с колоколом и кругом. И только после поражения Пугачевского восстания в 1775 году перестала существовать, по выражению К.Маркса, «христианская казацкая республика». Тогда же Яицкое войско было переименовано в Уральское, а Яицкий городок — в Уральск.

В Яицком городке возле Михайлово-Архангельского собора по набату колокола в вольный круг «думу думать» (называлось это сполохом или повесткой) казаки собирались. Накануне дня схода в круг войсковые есаулы разъезжали по городу и на каждом перекрестке выкрикивали: «Послушайте, атаманы-молодцы и все войско Яицкое, не пейте зелена вина, ни дарового, ни купленного: заутро круг будет!»

Утром, когда собиралось достаточно казаков, обычно это было в 10 часов, на крыльцо войсковой избы выходил атаман с серебряной

в позолоте булавой, а за ним с жезлами в руках шли есаулы. Становились есаулы в середине круга, клали жезлы и шапки на землю, читали молитву, кланялись атаману, потом — на все стороны казакам.

«Помолчите, атаманы-молодцы и все великое войско Яицкое!» — обращались есаулы к кругу. Излагали суть дела, по которому собрано войско, и спрашивали: «Любо ль, атаманы-молодцы?». И тут раздавалось или дружное «Любо» или «Не любо» — ропот. Но едва кто-то из казаков выходил в круг, кланяясь войску, как тут же ропот смолкал. Свобода личности, свобода слова, свобода на мнение, свобода религии — считались неотъемлемым правом каждого казака. Одним из самых суровых наказаний, которое так же принималось кругом, — запрет казаку ходить в круг.

В кругу решались все жизненно важные вопросы: выбирали и смещали атамана, старшин, есаулов, назначали людей в походы. Круг решал вопросы пользования землей, сенокосами, рыбной ловли и другие.

Вспомним А.С.Пушкина, с искренним восторгом писавшего о Яицких казаках: «Совершенное равенство прав; атаманы и старшины, избираемые народом, временные исполнители народных постановлений; круги, или собрания, где каждый казак имел свой голос и, где все общественные дела решены были большинством голосов». Казаки, по его мнению, имели «учреждения чрезвычайно сложные и определенные с величайшею утонченностью». Так Пушкин подчеркивает мысль, что только в свободном, демократическом обществе заложен и великий государственный ум.

Революционный демократ Н.А.Добролюбов, читая книгу И.И.Железнова «Уральцы», отметил, что казачья община — «это союз членов, которые равны по правам состояния и которые свободно управляются сами собой». Отсюда недалеко и до марксова определения социализма: «самоуправление народа посредством самого народа».

В этой, как некоторые определяли, «примитивной» казачьей демократии (без тюрем и полиции) законом считались правовые воззрения, обычаи и выработанные общиной правила. Провинившийся перед человеком считался виновным перед всем войском, то есть — перед каждым членом общества. За самые тяжкие преступления — убийство, измену и трусость, которые случались так редко, что к прошлому веку осталось в памяти стариков лишь предание, было одно наказание — «в куль да в воду».

Своеобразие жизни казачьего общества — демократические черты самоуправления, равенство, братство и товарищество (граждан-

ским обращением в казачьей среде искони оставалось только слово «товарищ»), выборность и сменяемость администрации, интернационализм, веротерпимость, общинное владение землей и лодами, хозяйственная самостоятельность, основанная часто на востязательности ума и физической силы, выкристаллизовали особый тип русского человека — самобытный, яркий и неповторимый, ставший привлекательным для всего народа. Именно это имел в виду Л.Н.Толстой, делая вывод из вековых чаяний людей, что «Народ казаками желает быть». Народ и прославлял в песнях извечную мечту свою — свободолюбивого казака. Желание быть казаками — это и есть неодолимое стремление народа к свободе, общественному прогрессу, к тому, что подметил А.С.Пушкин в жизни яицких казаков: одинаковым правам, где каждый может выносить на обсуждение любое предложение и высказывать любое суждение о выборных должностных лицах и смещать их при необходимости.

Даже по меркам нашего времени, первоначальное общественное устройство казачества было демократичным и прогрессивным. Неслучайно русские революционные демократы в казачьей общине видели прототип демократической республики. Не только наши соотечественники, но и К.Маркс казачьи общины считали республиками.

IV.

Российское казачество на протяжении XVII-XVIII веков упорно отстаивало свое самоуправление от посягательств правительства. Не желая поступиться свободой, казаки предпочитали пулю, крючья, виселицу, кандалы с клеймом и дальнюю дорогу в Сибирь. Борьба велась не только с правительством за отстаивание автономной самостоятельности. Процесс социальной дифференциации резко обострил положение внутри казачьих войск. Одно за другим вспыхивали казачьи восстания, нередко перераставшие в общенародные. Достаточно вспомнить войны под предводительством Разина, Булавина, Пугачева... Детонатором и движущей силой крестьянской войны 1772-1775 годов было яицкое (уральское) казачество.

На протяжении столетий вся жизнь яицких-уральских казаков — упорная борьба с царской бюрократией, стремившейся обуздать свободу, а потом заглушить и последние отголоски прежней вольности. Не затухало и внутреннее противоборство рядового казачества с атаманско-старшинской верхушкой, выделенной и поддерживаемой правительством.

История Яицкого городка-Уральска — это почти непрерывающа-

щаяся схватка, нередко выливавшаяся в вооруженные столкновения. Отношения между классами и правительством были настолько остры, что «порядок» в городе держался на щетине штыков и граде пуль.

Спрошу читателя: знаете ли вы другой город в России, кроме Уральска, где бы так часто и открыто проявлялось недовольство политикой местных властей и правительства, и на этой почве вспыхивали мятежи или, как тогда они официально именовались, бунты, которые бы так нещадно подавлялись войсками? Царские каратели обильно поливали кровью узкие улочки и широкие площади города в 1671, 1721, 1772, 1773-1775, 1803, 1807, 1825, 1837, 1874 годах.

А знаете ли такой город или область в России, где царские власти за непокорность, боясь второй «пугачевщины», привлекли бы к суду сразу более 4 тысяч человек и тут же выслали в Сибирь и Туркестанский край свыше 7 тысяч? Так было в 1874 году в Уральске.

Боюсь, напрасно потратите свое время, листая отечественную историю, а другого подобного примера не найдете. Впрочем, не найдете обо всем этом упоминания и в Уральске. Его история давно уже не его. Она выброшена в небытие. Ее как бы и не было. А новой, вместо нее, не придумано. И образовалась какая-то подозрительная пустота. Поэтому и в музее об этих событиях ни гу-гу. Там на такие мелочи не размениваются, правда, и более крупных не видать. Но чем-то все-таки он заполнен. А ведь, казалось бы, половодье февральской революции, смывшей царизм, и бурный поток Октябрьского переворота вылился из ручейков и рек народного гнева прежних лет. Октябрь как бы вобрал в себя весь опыт многовековой борьбы нашего народа, расшатывавшей устои бесправия. Но о тех героико-трагических событиях дореволюционных лет в Уральске вы не встретите ни одной строки, даже в круглые даты, в местной печати, не услышите ни слова в передачах по радио и телевидению. Как будто бы всех тех событий в нашей истории и не было, как будто бы они не имели никакого значения для жизни города и будто бы они никак не отразились в свое время в стране.

А ведь об исторической революционности яицких бунтарей — Орлов Орловичей свидетельствуют не только скрытые от глаз документы, но и очевидные факты недавнего прошлого.

Не доверяя казакам, правительство после восстания «непослушных» в 1772 году и вплоть до середины 1917 года для «поддержания порядка», дабы не только утратить, но и тут же укрощать строптивых подданных, в казачьем городке — Уральске держало не казачьи части, а солдатский воинский гарнизон. Беспрецедентный случай для казачьих городов. Войску было запрещено иметь свою артиллерию.

Но и эти меры не могли сдержать праведного гнева и обуздать казаков, стремившихся к свободе. Кони рвали удила, а казаки неволю.

Сколько еще блестящих страниц борьбы с самодержавием и местными старшинами пылятся нетронутыми в архивах. Улицы Уральска, станиц и поселков видели, может, не такие громкие — на всю Россию, но выразительные протесты, смелость и неуступчивость казаков. О них нельзя было писать до революции и, как оказалось, после нее — тоже.

Не поняли бы деды и прадеды седобородые, с гордостью рассказывавшие внукам были бывалые о своих походах и сражениях под знаменами Петра Великого, с суворовскими чудо-богатырями, кутузовскими молодцами и о тех непослушных буйных головушках, что снесены были с плеч в схватках с правительственными усмирителями, что о них не вспомнят и не помянут добрым словом далекие потомки, живя без царя и вельмож, против которых их предтечи и они сами бесстрашно боролись. И обиделись бы, оскорбились, зная, что будут когда-то названы реакционерами. Правда, они не знали этого иностранного слова, да по духу почувствовали бы его гадливую мерзость и гнуснейшую сущность.

Думается, все те многие тысячи своевольных сынов Урала — неугомонных подданных Российской империи, кто на своей шкуре испытал царские да боярские батоги, кнуты и шомпола, кто шел, позванивая кандалами в Сибирь, кого вешали крючьями за ребра в Уральске, кого четверговали в Москве, расстреливали без суда и следствия царские каратели и свои же старшины, заслужили лучшей участи, чем презренное забвение.

И все-таки есть еще, уцелели свидетельства героического и самобытного прошлого. Величественным монументом яицким-уральским казакам стали «История Пугачева» и «Капитанская дочка» А.С.Пушкина. Добрыми друзьями стоят на наших полках томики В.И.Даля, В.Г.Короленко, В.П.Правдукина, К.А.Федина, предлагающая вниманию родные голоса давно минувшего, безвозвратно ушедшего из жизни и выветренного из сознания.

И вечным памятником яицким-уральским казакам стоит и будет стоять город Уральск. Это они — «славное яицкое лыцарское войско», как казаки себя называли, помыкавшись по лбищам и излуцинам Яика, почти четыре столетия назад, наконец-то, выбрали место, как нельзя лучше, — в створе рек Яика и Чагана, и основали город, в котором мы теперь живем. И символично, они его поставили чуть пониже Баскачинской ростоши, где некогда улусом стоял баскак, одолевший Русь набегами и бравший с нее дань. Сюда стекались русские сокровища и здесь томилась в подневольном труде русские

полоняночки. Но в 1613 году на том месте поднялся вольный город, надежный оплот Российского государства.

Здесь покоятся, священной памяти, незабвенные предки и родители наши, товарищи. В прямом смысле на их костях стоит сегодняшней город. Они — в фундаменте нашей безмерной любви к родному пепелищу. Но в минуту духовного прозрения и тихого покаяния признаемся себе как мы недостойно вспоминаем и как почитаем своих предков, и почему позволяем кощунственно говорить о них: они и такие, они и сякие... А какие? Узнав, да устыдимся за себя перед потомками. И пусть будет хотя бы неловко тому, кто неосторожно бросал камни грязных слов в их сторону, — светлой памяти, наших родоначальников — родительниц и батюшек. И пусть в нашей опустошенной памяти пробудится и прорастет нежный росточек любви.

Не пора ли уже быть, если и не уважительным, то хотя бы просто вежливым и, соблюдая правила приличия порядочных людей, — извиниться за неосторожно, недобрым словом потревоженный прах пионеров и сказать сердечное спасибо за то, что есть этот город, в котором ты прописан или гость. Низкий поклон вам, отважные первопроходцы и основатели, глубокая сыновья благодарность и признательность.

V.

Суровой была жизнь казачества в необжитых просторах. Казак добывал хлеб насущный, не расставаясь с оружием — в поту и в пороховом дыму. И все-таки русским людям жизнь казачества казалась предпочтительнее, быт казаков представлялся вольным, независимым от властей (как и было сначала), сказочно благополучным, породившим особый тип героя — смекалистого и отважного, непримиримого с несправедливостью и демократичного.

И в самом деле, в казачьих войсках не было подневольного крепостного труда, не было отработок, барщины, не было земельных наделов. Вся территория войска, например, Уральского, находилась в общинном пользовании. Казак мог бесплатно засеять до 20 десятин, а как только он собирал урожай, земля считалась ничейной, войсковой и ее мог занимать любой другой казак. Частная наследственная собственность была лишь на домостроения и орудия производства. Казак мог бесплатно выпастить до 50 голов крупного рогатого скота, столько же лошадей и до 300 голов мелкого скота. Вопрос лишь в том: каждый ли мог воспользоваться этими возможностями? По

праву казака — разумеется, а вот по обстоятельствам — далеко не все. Офицеры и чиновники имели значительные привилегии и некоторые из них вскоре стали крупными скотопромышленниками, уплачивая незначительные, так называемые акцизные взносы за сверхположенное количество скота. Кстати, на этих же основаниях допускался к выпасу на войсковой территории и скот казахов.

Однако, на уральской неделенной земле с равными возможностями казаки жили совсем не одинаково. Одни богатели, другие — беднели. И не удивительно, что к началу девятисотых годов более 11 процентов казачьих дворов стали «бесхозными» и почти треть — не вела самостоятельно хозяйства, так как не имела собственных орудий и средств производства, скота, а пятая часть участвовавших в рыболовствах, не имея снастей, занималась рабочими-весельщиками.

Еще в прошлом веке в военное время уральское войско обязано было выставлять в армию треть мужского населения, тогда как в стране даже в народные ополчения уходило не более 4-5 человек от ста душ. Рекрутство, а потом и призыв в губерниях шли за счет государства, а в казачьих войсках — за свой счет. Казак являлся на службу на своей лошади, (а в старину — одвуконь), в своей одежде, со своим оружием.

Хотя в Уральском войске и не было крепостного права, но и после отмены его в России казак все еще был неволен даже переменить местожительство, выйти из казачества. Положение казака многие тогда сравнивали с государственным крепостным, а казачество — с аракчеевскими военными поселениями. Кстати, казачья войска одно время и относились к департаменту военных поселений. Тридцать три года казак считался на военной службе. В 55 лет переходил в домоседную команду и только в 60 — уходил в отставку. Конечно, числясь на службе — часто вызываемый то на сборы, то в походы, казак не мог всецело отдаться хозяйству. А вернувшись со службы, не каждый сразу «становился на ноги», тем более — израненный или больной. А что говорить о семьях погибших кормильцев. Конечно, существенным подспорьем была так называемая «наемка» — казак, вызываясь на службу, получал определенную подмогу от войска, поэтому ее казаки так упорно отстаивали. Но и «наемка» не всегда была значительной. Да к тому же, часто житье-бытье — не тем, так этим бытье. И жизнь многих была больно, до слез.

Не случайно В.Г.Короленко, посетив Уральск и земли казачьего войска в 1900 году, писал, что нигде, быть может, проблема богатства и бедности не ставилась так резко и остро, как в этих степях, где бедность и богатство не раз поднимались друг на друга «вооруженной рукой». И нигде она не сохранилась в таких застывших, неизменных

формах. Истари в этой намеженной степи лежат рядом «вольное» богатство, почти без обязанностей, и «вольная» бедность, несущая тягости... Поверьте, Короленко-то знал жизнь дореволюционной России.

Однако, никто не голодал. Более шестисот магазинов и лавок только в Уральске, как говорили тогда, «ломались» от всевозможных товаров и продуктов. Множество различных ежегодных ярмарок с миллионными оборотами, обозы, составы, вывозившие на внутренний рынок страны и за рубеж зерно, скот, рыбу, икру, яблоки, шерсть, кожу... Со стороны все это представляло всеобщее благополучие. И не случайно, русские социалисты-утописты были в восторге от уральской общины и чуть ли не видели в ней начало социалистических преобразований. Земля и воды оставались неделимыми. Некоторые виды пользования долгое время были общинными, например, — сенокос, рыбная ловля, дары леса — знаменитая «обволька»...

Великий русский революционный демократ Н.Г.Чернышевский в ряде статей, излагая свой взгляд на русскую общину, развивая теорию общинного социализма, считал необходимым сохранить общинное землевладение, являвшееся по его мнению, передовой формой, направленной к социалистической собственности, и в качестве примера приводил общину уральских казаков. Он отмечал: «Мы не считаем устройство Уральской области идеалом человеческих обществ», но «если уральцы доживут в нынешнем своем устройстве (то есть общиной), до того времени, когда введены будут в хлебопашестве машины, то уральцы будут тогда очень рады, что сохранилось у них устройство, допускающее употребление таких машин, требующих хозяйства в огромных размерах, на сотнях десятин». Не дожили. И более того, в тридцатые годы даже десятки десятин на семью были признаны кулацкими. А кулакам, как известно, отводилось по три аршина на каждого, да и то — где-то в Сибири.

После статей Н.Г.Чернышевского начинается настоящее паломничество в Уральск передовых русских людей, особенно последователей так называемого общинного социализма. В периодической печати России появляется целый поток статей о быте, нравах и хозяйственной деятельности уральского казачества.

Уральская община, несмотря на все тяжкие минусы, при том общественном строе, безусловно, была лучшей формой хозяйствования, выработанной веками народной мудрости. Видимо, и сейчас кое-что можно извлечь полезного из хозяйствования казачества, в том числе и на реке Урале. Но это дело ученых и хозяйственников-практиков. Да и Советам есть над чем поразмыслить.

VI.

В истории казачества были и «темные пятна», которые не обелить умалчиванием. Но ведь они неотделимы от всей истории русского народа. В первую русскую революцию казачьи части правительством использовались в карательных акциях, в том числе и уральские, как, впрочем и солдатские части — в Уральске и во всей России. Но от этого суть русского народа не стала реакционной, в этом — суть того режима. Однако на казачество на долгие годы легло несмываемым черным пятном вся тяжесть государственного акта — будто оно задушило революцию да и в февральско-октябрьских событиях показало себя не с лучшей стороны.

Но так ли несмываемо то пятно? Возьмите подшивки местных газет периода первой русской революции, полистайте, и вы убедитесь в том, что пятно легко размывается. Далеко не все казаки принимали участие в разгонах демонстраций и митингов, в подавлении крестьянских волнений. Как свидетельствовал классик татарской литературы Г.Тукай (тогда он работал в Уральске, где издавались газеты и журналы на татарском языке), казаки узнав, что их собрали для разгона митинга в театре, затем — на теперешней площади Революции, расходились по домам, говоря: «Мы не убийцы». Полки, командированные в Казань и Пензу, так же отказались от выполнения жандармских обязанностей. Они были возвращены в Уральск и расформированы.

Обо всем этом и многом другом подобном, как правило, никто не вспоминает, говоря о казачестве. Правда, в последнее время, когда очищается наша печальная история, как старые полотна от позднейших наслоений, проступают яркие краски истинного творца — народа, и картина оживает. Жизнь, во всем ее многообразии взглядов и устремлений, политических симпатий и антипатий, ранее рисовавшаяся двумя красками — красной и белой, предстает в новом сочетании цветов и оттенков. Да и красный цвет, как выясняется, боязливо скрывал черные дела.

На первом съезде народных депутатов СССР в 1989 году, наконец-то, впервые за многие десятилетия с высокой трибуны вспомнили о казаках, вернее, посочувствовали русскому народу в связи с рассказыванием и раскрестьяниванием. Да, скорбные страницы нашей истории. Можно забыть все — оскорбление, унижение и прочие обиды, но кровавые злодеяния, даже если очень хочешь, не забудешь, как сердечную боль, постоянно напоминающую о себе и приближающую распад организма. Но сердце пока бьется, и надо постараться — помочь ему.

Расправлялись с крестьянами и с казаками вовсе не потому, что они были отъявленными контрреволюционерами. Нет. Крестьяне и казаки в основной массе встретили Октябрьскую революцию доброжелательно — как свою, и ждали от нее больше того, что дала февральская. Не поддержали уральские казаки в августе 1917 года контрреволюционного мятежа Корнилова. Полковые и дивизионный комитеты Уральской дивизии заявили «о полной солидарности с народом». Не выступили они и с Калединым в октябре 1917 — феврале 1918 г.г.

Да, верхушка казачества не признала Октябрьской революции, но и не смогла поднять казачества против нее. И понимая, что сразу это не удастся, всячески старалась затормозить процесс консолидации, обособить казачество. Придавая видимость восстановления традиций свободы и равенства, преемственность и общность с революционным казачеством прошлого, еще в марте 1917 года съезд выборных станиц переименовал Уральское войско в Яицкое и город Уральск — в Яицк. В официальное обращение вводится слово «товарищ». С трибун митингов и съездов все ратуют за социализм.

Вот одно из воззваний марта 1918 года: «Вспомните наших лихих атаманов и первых социалистов России, которые стремились вырвать трудовой народ из рабства бояр и помещиков. Мы думаем, что каждому казаку известно имя лихого Ст. Тим. Разина и других, которые грудью отстаивали независимость и вольность казачества. Станичники, мы не должны забывать, что в нас течет кровь тех же социалистов наших предков...».

И как было казаку не вскружить голову: и в центре и здесь — борьба за социализм. А в январе 1918 года съезд выборных назначил главой уральского войскового правительства члена РСДРП с 1901 года, активного участника первой русской революции, большевика Г.М.Фомичева, известного в войске как человека открытого, до щедрительности честного, происходившего, как тогда говорили, из трудовой семьи.

Это было единственное казачье войско, где с самого начала противостояния войсковое правительство возглавил большевик. Но суть революции он видел в тех идеалах, за которые до 1917 года большевиков сажали в тюрьмы и ссылали. А когда большевики стали сами сажать в тюрьмы и расстреливать, он, как мы до недавнего писали, переметнулся на сторону контрреволюции — возглавил независимое, нейтральное правительство, каким оно себя объявило. Однако вскоре роль Фомичева в правительстве была сведена к нулю. Верх взяли силы настоящей контрреволюции. Но и они не смогли за собой потянуть большинства казаков.

Весной 1919 года Фомичева судил генерал Толстов за предательство. Через год, в мае 1920 года, за то же самое — советский суд, где в одном из пунктов обвинений, между прочим, говорилось, что он «защитая идею демократизма, представляющую лишь буржуазную ловушку, тем самым изменил рабочему классу». Да, Фомичев не сумел воспользоваться предложением мира и широкой автономии уральскому казачеству, переданным от имени СНК ленинским парламентаром Ф.М.Неусыповым. Скорее всего, ему не позволили. А что касается демократии, я думаю, он ее понимал как классическую категорию народовластия, как ее толковало большинство русских интеллигентов.

В стране полыхала гражданская война. Революция, наступая, защищалась. То там, то здесь открывались новые фронты. Одним из них — стал Уральский. Нейтралитет, объявленный войсковым правительством вскоре после Октября, был отброшен. Нейтралитет между двух огней равносильен самосожжению. Какой-то огонь надо тушить в первую очередь, иначе будешь сожжен не тем, так этим. Верхушка казачества предпочла не допускать распространения, а потом и гасить пламя большевизма. Казаки призывались к защите войсковых границ. Нейтралитет не состоялся. И уральское казачество автоматически стало причисляться к одной из голов контрреволюционной гидры. Чтобы обосновать это, приводятся вроде бы достоверные доказательства: значительная часть казаков в годы гражданской войны сражалась на стороне белой армии. И это правда. Но — не вся. Из нее изымаются существенные страницы, и получается не сплошная, а пунктирная линия, намеренно разорванная. Попробуем, в меру возможности, разобраться.

VII.

Многие ли знают трагические истоки гражданской войны в крае и всю правду о ней? К сожалению, — единицы, а правда по различным мотивам долгие годы подменялась кое-кому выгодной ложью. И это предвзятое мнение утвердилось и всячески поддерживается. А ведь была и правда.

Уже давно отменен тезис сословной зажиточности уральского казачества, якобы способствовавший контрреволюционной солидарности. Вспомним В.Г.Короленко о «вольной» бедности.

В годы империалистической войны количество обнищавших казачьих семей еще более возросло. Благоденствовала незначительная

часть офицерства и чиновничества, иногородние купцы и промышленники.

Казаки-фронтовики, подвергавшиеся большевистской агитации, вернувшись на родину и увидев обездоленные семьи, свергли атамана и весь бюрократический аппарат. Они-то и стали основной силой, которая способствовала в начале января 1918 года установлению Советской власти в Уральске. Об этом тогда же писала газета «Правда».

Думая, что дело сделано, вскоре казаки-фронтовики отошли от политической жизни, занявшись поправкой разоренных хозяйств, громя богачей, деля их скот и орудия труда. Организованный в городе Совет оказался беспомощным. И этим тут же воспользовалась внутренняя и внешняя контрреволюция. Подкупаются некоторые члены оставленного в городе казачьего комитета фронтовиков. Совет остается беззащитным. Распускаются станичные комитеты. Угрозы и насилия принимают массовый характер. И уже в марте 1918 года офицерская верхушка совершает переворот. Арестовываются и расстреливаются члены Совета. Репрессиям подвергаются все казаки, активно выступавшие за Советскую власть. Проводится всеобщая мобилизация. И начинается гражданская война.

Но уже в декабре 1918 и в январе 1919 года основная масса казаков, понимая бесперспективность борьбы, целыми полками переходит на сторону Красной Армии. В Уральске эти полки встречают с оркестром. Белоказачья армия распалась. Уральск освободила Красная Армия, и война на Уральском фронте фактически завершилась.

Почему же казаки, сложившие оружие, уже в марте-апреле 1919 года вновь оказались в стане контрреволюции? Ведь были причины, о которых до наших дней не принято было говорить и писать. А они стали основным поводом дальнейшего кровопролития.

К этому времени подоспели теперь печально известные январская директива Оргбюро ЦК РКП(б), подписанная Свердловым, о необходимости провести «массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью», приказы Троцкого о выселении, пресловутое расказачивание, продрозверстка и другие недружественные шаги в отношении казачества.

Да, то было время чрезвычайно сложное и мутное, как говорили на Руси, — горькое безвременье, и разобраться в нем не каждому было по уму, а тем более человеку — отвергнутому и отброшенному в сторону новой властью. Время бесстрастно и безошибочно, а люди в нем, особенно предубежденные, часто ошибаются и даже совершают непоправимые просчеты. Так случилось в Уральске. И враги

Советской власти попытались вновь направить время вспять, но и борцы за нее действовали не лучшим образом, а иногда и преступно.

Местные власти, в частности, — ревком проводят политику расказачивания, отказывают казакам в праве служить в Красной Армии и, мало того, объявляют их вне закона, — те самые полки, перешедшие на сторону Советской власти, заключают в концлагеря, где были случаи, когда без суда и следствия расстреливали каждого десятого. Так поступали в Уральске люди, стоящие у власти, — политически незрелые, раздувавшие пламя гражданской войны.

М.В.Фрунзе, побывав в Уральске в феврале 1919 года, был обеспокоен положением в городе и трижды настойчиво просит ЦК РКП(б) и ВЦИК немедленно командировать «ответственных работников из центра», так как в области «политика наша является особенно ответственной, тогда как носители ее не на высоте задачи».

10 марта 1919 года на заседании Совета обороны под председательством В.И.Ленина обсуждается вопрос «О назначении комиссара от СНК с чрезвычайными полномочиями для расследования деятельности Уральского ревкома». А вскоре в Уральск приходит телеграмма за подписью Сталина, в которой говорится, что ЦК считает необходимым изменить политику по отношению к уральским казакам, а объявление их вне закона сплачивает их в единый лагерь и подрывает политику разложения.

16 июня В.И.Ленин принимает представителей уральского казачества и рекомендует Оргбюро ЦК РКП(б) и Реввоенсовету республики рассмотреть вопрос о «необходимости формировать дивизию из казачьей пролетарской массы».

Оставшиеся живыми, чудом выйдя из концлагерей, малограмотные, а то и совсем неграмотные, казаки тут же попадали в объятия офицерской пропаганды. Она была примитивной, но действенной: «Ну, как вас жалуют Советы! То ли еще будет, когда у большевиков останутся патроны после войны, теперь-то их берегут — только в десятого стреляют, а тогда их жалеть на вас не будут, а ваших жен и дочерей — под общее одеяло к себе».

Казаки вновь оказались между двух огней. И не трудно догадаться, какой огонь они предпочли тушить первым. Вина ли в этом казачества или беда — стоит разобраться.

И все-таки, несмотря на безрассудную жестокость — расказачивание, массовый террор, выселение из родных мест, не все казаки добровольно пополнили белую армию. Многие верили в Советы, репрессивные меры относили к произволу местных властей и не хотели воевать. Генералу Толстому, в марте ставшему диктатором, потребовалась насильственная мобилизация, чтобы собрать под свои